

Лариса Бутырина

Априори Life 2

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Б93

Бутырина Л.

Априори Life 2 / Бутырина Л. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 272 с.

ISBN 978-5-532-99032-6

Когда достигнутое дарует мнимую вседозволенность. Когда прошлое опутывает и заставляет спасаться бегством. Когда предательство убивает остатки веры в искренность, а чувство потерянности вынуждает снова вернуться к исходному... тогда-то и открывается второе дыхание к жизни. Во все времена находятся те, кто требуют от себя и от мира большего. Те, кто всей своей сущностью не приемлют любые проявления примитивности, глупости и грубости. Даже в самом себе. И будучи снова загнанными в угол, задыхаясь от пустоты и безысходности, все же находят в себе силы и... выбирают жизнь. Априори Life 2. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99032-6

© Бутырина Л., текст, 2014
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	142
Глава 3	240

Все события едва ли основаны на реальных событиях; в основу образов с малой вероятностью заложены реальные люди; любые аналогии названий, аббревиатур и мест с действительными, случайные совпадения.

Глава 1

Ира несвойственными ей широкими шагами отмеряла потрескавшийся асфальт узкого тротуара. Редкие фонари рывками выхватывали искаженный силуэт и бросали его на стены эхом отражающего присутствие. Она яростно втыкала тонкие каблуки босоножек и рывками откидывала непослушные пряди волос с лица. Ее переполняла злость и обида, разочарование и горечь, но большую часть в этом сладком коктейле занимало непреодолимое желание съездить этой мерзкой твари по физиономии. По его наглой и скользкой физиономии, так умело сумевшую усыпить ее бдительность.

Ириной была особа двадцати шести лет. В меру строптивая, порой чересчур категоричная, четко знающая, чего хочет от жизни и каким путями туда прийти, двумя вышками за плечами и музыкальной школой по классу контрабас. Ее успехи дизайнера в развивающейся полиграфической компании и непримиримое отстранение от мужчин сулили ей блестящую карьеру, но сегодня она сделала исключение...

Марат оказался очередной свиньей. Тонко и ненавязчиво он вклинился в ее плотные будни и воспользовался чистой девичьей наивностью, пусть и старательно прикрытой под маской неприступности, чем только укрепил незыблемое разочарование в мужском населении. Привыкшая к собственной правоте юная особа не сумела, да и не пыталась учиться контролировать эмоции. И когда что-то шло супротив ее четко спланированной последовательности, она злилась; когда что-то позволяло себе развиваться не по ветви ее представления, она приходила в бешенство; когда же это что-то выходило за рамки ее здравого суждения, ей обуревала ярость. Сейчас был именно третий случай...

На улице уже никого не было. Половина второго ночи в разгар рабочей недели не предполагало оживленности городских переулков, лишь редкие автомобили полуночных трудоголиков лениво ползли на сонных проезжих частях.

Ирина свернула в переулок. Низкие здания понуро жались друг к другу, составляя узкий проход, с проемами для мусорных контейнеров и покосившимися козырьками подъездов. На освещении внутреннего убранства города правительство, как правило, экономило, и, сгустившийся мрак разбивали, разве что, редкие еще горящие окна не знающих отдыха москвичей. Не хватало только надрывного скрежета проржавевших петель качающейся на ветру перекошенной двери и мечущихся вдоль строений отожравшихся крыс для идеальных декораций типичного триллера. Впрочем, как и щуплой блондинки, старательно трясущейся то ли от страха, то ли от недоедания перед квадратной глазницей кинокамеры.

Ира не тряслась. Более того, не боялась, – не было возможности. Ярость пульсировала слишком сильно и настойчиво, чтоб испытывать, хоть какие-то эмоции помимо.

Переход. Нет, не парадная часть к пасти подземки, а узкий плиточный туннель с массивными колонами, разделяющими его ровно напополам. Такие туннели обычно используют вместо мостов для переправ через железнодорожные пути, ну и в качестве временного крова для лиц без пмж в холодные периоды года. Ирина всегда испытывала отвращение к подобным социальным слоям и присущему им запаху затхлости человеческих испражнений, поэтому ускорила и без того быстрый шаг, желая, как можно скорее преодолеть возможное столкновение. Новые набойки с удвоенной силой впивались в грязную поверхность пола, эхом отскакивали от плиточных стен и гулко отгоняли жуткие впечатления от мало приятного места. Они лихо обрывая куски разыгравшегося воображения, минувшую злость, отчаяние и обиду и... бесшумные шаги в мягкой обуви, стремительно следующие за ней.

Зябая дрожь метнулась вдруг по позвоночнику. Мгновенно. За секунду до того, как мощная рука рывком развернула ее за плечо и с силой вдавила в стену, зажав ей ладонью рот. Нежданная встреча затылка с замызганной плиткой резво отозвалась болью. Сумка глухо шлепнулась на пол, высыпая наружу содержимое, а перед глазами вдруг возникло чужое лицо. Чужое и абсолютно безразличное к твоей жизни. Только два болта пустых впадин, неотрывно

смотрящих сквозь тебя, и шершавая ладонь, ползущая вверх по внешней стороне бедра. Ира попыталась рыпнуться и оттолкнуться руками от громоздкого тела, за что получила еще более внушительное уплотнение в стену. Боль накатила новой волной, и реальность происходящего становилась все более зыбкой. Происходящее выглядело объемным изображением с незамысловатым сюжетом и отличнейшей графикой, и казалось, что вот сейчас, буквально через секунду появится подтянутый красавчик, и одним движением спасет ее честь, отключив неудачливого насильника. Ну, или хотя бы усатый дядечка с обозначившимся от изобилия творческой работы животиком, в неизменной кепке и на продавленном стуле с кривой надписью на спинке «режиссер», надрывно крикнет в граммофон: «Стоп. Снято!», и суетливая кучка визажистов тут же бросится поправлять ей макияж...

Но никто не появлялся. Никто не кричал и не размахивал пушистой кисточкой по ее щекам пудру. Лишь едва заметная тень мелькнула за опорными колоннами, прежде чем нечто огромное больше человеческого роста не сбило ее обидчика собственной массой. Картинка заметалась. Освобожденная Ирина медленно сползла вдоль шершавой стены и четвереньками встретила пол. Взгляд упал на мохнатую тварь слишком большую для известных ей собак, слишком мощной спиной закрывшую ей обзор. И хруст. Хруст похожий на звук ломающейся ветки под тяжестью веса. Хруст ломающихся хрящей. А за ним, — конвульсивно дергающаяся кисть придавленного человека, чавкающие звуки объяснили ей причину таких рефлекторных движений, и, как будто подтверждая ее догадки, зверь обернулся.

Сгустки жидкости вязкими каплями свисали со сваявшейся шерсти подбородка, придавая скорее нелепый, чем зловещий вид не агрессивному с виду животному. Оно неподвижно смотрело на нее, будто бы изучая, склонив голову на левый бок. Затем медленно и решительно подошло так и стоящей на четвереньках Ирине. Запах крови резко ударил в мозг. Она заглянула ему в глаза. Глаза. Два карих почти черных зрачка беспредельно глубоких в миндалевидной впадине глазниц. Настолько правильной, будто кто-то осознано уме-

лой рукой вырисовывал их на лощенной шерсти. Необычайно глубокие и такие затягивающие, что испуг был бесцеремонно выдавлен за рамки чувствительности. «Таких глаз не бывает», – думалось ей. «Не бывает у обычных животных, пусть и значительно нарушающих физиологию естественных размеров».

Зверь подступил вплотную. Прерывистое дыхание резко коснулось ее покрытого от волнения испариной лица. Он не отпускал ее взгляда. Он будто приковал его к себе. Но тут она допустила ошибку. Взгляд непроизвольно скользнул в сторону месива, которое совсем недавно пыталось сделать ей больно. Глупо. Как же глупо...

Ирину затошнило. Желудок делал отчаянные попытки освободиться от увиденного, сотрясая судорогой все тело. Она опустила свинцовую голову, стараясь глубоко дышать. Мир закружился, переливаясь разводами крови на грязном полу, пока зубастая пасть не в оскале – в ухмылке не сомкнулась на ее горле. Последнее, что она увидела, было выжженное на замызганном потолке перехода корявыми буквами слово «зачем?

*

Вчера я проснулся с чувством жуткого голода. Внутренности сжимались в комок, а мысли крутились исключительно в области желудка. Такие моменты всерьез подвергали сомнению, на чьей стороне все же прерогатива управления всем организмом, больше и больше в последнее время, признавая деспотизм пищеварительной системы.

На улице висел типичный июньский день, вернее его завершение. Полуденная жара постепенно стихала, уступая место густой духоте. Кухонные часы выдавали начало седьмого. Я почти всегда встаю в такое время, – утренние часы слишком суетливые, слишком слепящие и, слишком бездействующие для меня, хотя я ничего не имею против прямого солнечного света.

Я распахнул окно и вышел на лоджию. Текучий воздух лениво проник в мою обитель. Я глубоко наполнил им легкие. «Сегодня насыщенный день. Надо поесть...»

Вслед за сумраком я вышел на улицу. Бесцельно бродя по измученным жарой улицам, я встречал темноту. Голод усиливался. После полуночи, когда вариации ужина значительно сузились, я увидел ее. Невысокая шатенка с плавными формами и явными признаками сидячей работы. Удлиненные шорты с завышенной талией в меру свободные и плотные, чуть сутулая спина и быстрый шаг, слишком уж быстрый для уставшей походки после отработанных сверхурочных.

Я двинулся за ней, с каждой секундой сокращая расстояние между нами, но не приближаясь вплотную, – промежуток в двадцать шагов для меня был ничем, она же не замечала. Я следовал за ней, изучая, не скажу, что без удовольствия, тыльную ее сторону и мысленно дорисовывая, как обстоят дела спереди.

Она свернула во двор. «Хм, рыбка в сеть плывет сама».

Я выждал минуту и неслышно повернул за ней. Но меня опередили. Кислый запах пота ударил мне в нос, и угловатая тень шмыгнула из подворотни. Сгорбленная и суетливая она нервными прыжками последовала за девушкой. «Какого черта, приятель? Тебя здесь не ждали...». Я укрылся за выступом здания, мысленно прокручивая дальнейшее развитие событий. Выводы несколько омрачали мой вечер. Мне нужно время.

Двор уводил на узкую улицу, прерывающуюся через несколько метров подземным переходом. Она спускалась туда. Теперь я уловил ее страх. Тонкий солоноватый ноткой он шлейфом вился за ней, смешиваясь с окружающими запахами все активнее. Серая тень шмыгнула за ней. Медлить больше не было смысла. Я побежал. В движении меньше ощущается трансформация. Влетая в туннель, я застал ожидаемое, – безликая фигура по-свойски орудовала девушкой. Мне достаточно было пары секунд, чтоб сбить его с ног, еще пары, чтоб разодрать ему горло.

Острое амбре страха резануло мне обоняние. Я обернулся. Девушка сидела на четвереньках, выставив на меня свои ошалевшие глаза. «Миленькая... если б еще не губы, искривленные в маске ужаса, так вообще...»

Я подошел к ней почти вплотную. Дикая смесь остатков парфюма и взбесившихся гормонов будоражила обоняние. Она не отводила

взгляд. Наоборот, всматривалась в меня, будто пытаюсь что-то найти. «А ведь это даже забавно...». Но тут она посмотрела чуть правее, – за меня. И природный позыв скрутил ее вдвое.

«Да, милая, ты права, – двоих мне будет много. Но свидетелей я не оставляю...».

Ее горло было слишком близко...

Поднимаясь из перехода с приятной тяжестью внутри, я лениво осматривал местность. Что ж... теперь можно заняться общественно полезным трудом. Вытянута рука, таксующая «десятка» и курс на Маросейка, 16.

Ах да, забыл представиться. Максим. Двадцать три года. Оборотень.

– Они даже имя менять не стали? – я придвинулась к нему еще ближе, насколько мог позволить бархатный подлокотник. – Распространенная нынче режиссёрская находка...

– На этот раз, чистое совпадение, – Макс улыбнулся, сжимая чуть сильнее и без того крепкую сцепку из наших пальцев и едва заметно прикоснулся губами к виску. – Сценарий был расписан еще задолго до того, как меня утвердили на роль. До этого на нее пробовался другой персонаж, – профессиональный актер, надо отметить.

– А ты, выходит, непрофессиональный? – я усмехнулась, обращаясь к нему взглядом.

– Ну, люди годами в театральных горбатятся, чтоб хоть получить мало-мальски приметную роль, – проговорил он практически мне в ухо, обжигая дыханием прядь непослушных волос. – У меня же и мысли «играть» никогда не было, а тут – на тебе! Полный метр и выскочка-дилетант.

– У нас это называется – талант от природы, – улыбнулась я, вновь поднимая глаза на мерцающий экран.

– Природный талант, – хорошо тренируемая мышца.

А жизнь, как известно, тренер бескомпромиссный...